

И. А. БУНИН-РЕДАКТОР. ОБ ОКОНЧАТЕЛЬНОМ (КАНОНИЧЕСКОМ) ТЕКСТЕ ПОВЕСТИ Л. Ф. ЗУРОВА «КАДЕТ»¹

Ирина Белобровцева
(Таллин)

Повесть Леонида Федоровича Зурова «Кадет», изданная в провинциальной Риге малоизвестным издательством «Саламандра» в 1928 г., вызвала живой и радостный отклик у критики русского зарубежья². Первая же статья об этом произведении, задавшая тон всем остальным рецензиям, принадлежала Ю. И. Айхенвальду, сразу оценившему уникальность темы повести и сильную сторону дарования дебютанта – его гибкий и красивый язык: «По-видимому, автор – начинающий, и начинает он прекрасно. Такой безукоризненный русский язык, такой хороший, сдержанный тон, в котором повествуется о русском ужасе, такое чувство русской природы и усадьбы. Что испытал мальчик-кадет в дни междоусобной войны, в эти “страшные в своей откровенности, обнаженные дни”, когда жизнь, действительно, обнажилась и показала себя в своей невероятной грубости и жестокости, об этом по преимуществу, на лучших своих страницах, ярко, но без сгущения красок рассказывает

¹ Тексты И. А. и В. Н. Буниных публикуются с разрешения *The Ivan and Vera Bunin Estate*; тексты Л. Ф. Зурова публикуются с разрешения *The Leonid Zurov Estate*. Автор статьи глубоко признателен куратору Русского архива Лидского университета Ричарду Дэвису за внимательное прочтение текста статьи и сделанные замечания.

² Можно предположить, что причиной столь многочисленных рецензий и упоминаний в статьях этой повести, помимо ее свежести и фактографической точности в описании событий периода Гражданской войны, стал тот факт, что старшее поколение литераторов усмотрело в «Кадете» прямое продолжение традиций, весьма редко встречавшееся у литераторов младшего поколения русской эмиграции (Ср. фрагмент письма И. С. Лукаша Л. Ф. Зурову: «Она [книга “Кадет”] – ясная и чистая. Она увлекает своей чистотой и бодрой крепостью. О Вас – говорят. Старики Вас расхваливают» (Письмо Лукаша Зурову б/д. РАЛ. MS. 1068/3585), где под «стариками» Лукаш подразумевает, разумеется, литераторов старшего поколения.

г. Зуров. Наша революция среди многого другого осуществила и крестовый поход детей – физически и морально погибли дети и юноши, и девушки. Как та очаровательная гимназистка Аня, по прозвищу Куний Мех, которая в Кадете выступает героиней сначала идиллии, а потом и трагедии. Еще не остыло дыхание родного гнезда и ласка мамы, еще так отчетлив ее образ – она стоит на крыльце и благословляет своего на страду уезжающего Митю “частыми маленькими крестиками”, и часто потом вспоминает он “благословляющую материнскую руку, тепло уходящего дня и крепкий запах ровно шедшей осени, запах антоновки, кленовых листьев и укропа”; еще витают детские сны над головой мальчика (“улыбка ты моя милая” – как его называет няня) – и уже сыплются на эту голову жестокие удары, не только нравственные, но и самые реальные, заливающие кровью... Миниатюра войны и мира, т. е. сражений, истязаний, расстрелов – с одной стороны, и деревенского уюта, Волги, родины – с другой, эта частичная, в русской раме картина, уголок вечного мирового полотна в высокой мере удалась молодому перу Леонида Зурова. Ужасное изображает он, но так это переплетено с трогательным и нежным, и грустным, что не мрак идет от его очерков на душу читателя, а какое-то тихое волнение, недоумение, “светлая печаль”, лучи примирения³.

После присылки книги И. А. Бунину между ним и Зуровым завязалась переписка, и в первом же письме Бунин откликается на «Кадета» вполне «редакторским» образом: «Много получаю произведений молодых писателей – и не могу читать: все как будто честь честью, а на деле все “подделки под художество” <...>. У Вас же основа настоящая. Кое-где портит дело излишество подробностей, излишняя живописность, не везде чист и прост язык, не нравятся мне такие слова, как “сырь”, “гармонь”, “тяжелое тело города”⁴ и т. п. Да все это, Бог даст, пройдет, если только Вы будете (и можете) работать» (Бунин, Кузнецова, Зуров 2004: 239).

³ См.: Айхенвальд Ю. Литературные заметки. – Руль. № 2394. 10.10.28. С. 2.

⁴ Названные Буниным слова не из повести «Кадет», а из двух включенных в одноименную книгу рассказов – «Город» и «Плевок».

Высокая оценка Буниным «Кадета» вычитывается и в дневниковой записи Г. Н. Кузнецовой от 13 декабря 1928 г.: «Вчера, когда мы одни гуляли вечером, он [Бунин] бранил рошинский роман <...> – и говорил, что никто в сущности не умел написать войну по-настоящему. Отчасти тронул ее правильно Зуров» (Кузнецова 2009: 108).

Следом за Айхенвальдом Бунин написал очерк «Леонид Зуров», в котором объявил о рождении нового литературного дарования: «Недавно я, совсем неожиданно, испытал большую радость: прочел книжку нового молодого русского писателя, Леонида Зурова, изданную в Риге <...>: подлинный, настоящий художественный талант, – именно художественный, а не литературный только, как это чаще всего бывает, – много, по-моему, обещающий при всей своей молодости»⁵. Там же Бунин с похвалой отзывается и об «Отчине», второй книге Зурова, изданной тем же издательством «Саламандра» в том же 1928 году.

Амфитеатров, восхищенно писавший Зурову о своем восприятии повести «Кадет» «<...> (восхитительная книга!) был светом залит» (цит. по: Белобровцева, Рогачевский 2004: 152), как и почти все критики русского зарубежья, усматривал в молодом пришельце ученика Бунина⁶: «<...> он ученик не Ремизова, а Бунина, и бунинская печать на нем вклеймлена ярко и глубоко. И “стилизует” он в бунинской простоте, а не в ремизовском ухищрении» (цит. по: Белобровцева, Рогачевский 2004: 152).

В обширном фонде Л. Ф. Зурова, находящемся в Русском архиве Лидского университета (далее РАЛ), есть любопытная единица хранения: на обложке его второй книги, «Отчины», зачеркнуто название и рукой автора вписано: «Две повести». На следующей странице, листе в клетку, рукой Зурова написан эпиграф «Из крестов

⁵ См.: Бунин И. Леонид Зуров. – Россия и славянство. № 7. 12.01.29. С. 3.

⁶ Как метко написал об этом Н. Е. Андреев, всегда говоривший об оригинальности творчества Зурова, эмигрантской критике «“удалось” найти “этикетку” для Зурова: “ученик Бунина” <...> Чего же больше? Сразу указаны и “истоки” и “пределы”» (цит. по: Белобровцева, Рогачевский 2004: 156).

скована русская земля Псковский стих»⁷, и выше, карандашом, дано указание наборщику: «Это эпитафия ко всей книге. Набрать и поставить посередине страницы»⁸. Далее, через страницу, следует вписанное от руки обозначение «титул» и обычные для титула имя автора – «Леонид Зуров» и название «Две повести». В каталоге, составленном в 2000 г. Энтони Хейвудом, эта единица хранения носит название «Кадет»⁹. В действительности мы имеем дело с правкой повести «Кадет», выполненной И. А. Буниным по рижскому изданию 1928 года. Можно примерно определить, когда именно, т.е. в какой промежуток времени и с какой целью производилась эта правка.

Одна из возможных наиболее ранних дат редакторской работы Бунина над «Кадетом» может быть предложена на основе дневниковой записи В. Н. Буниной от 9 декабря 1929 г. Речь в ней идет о подготовке к празднованию на Бельведере дня рождения Г. Н. Кузнецовой 10 декабря: «Целый день хлопочем для завтра. <...> Скобарь [шутливое прозвище Зурова, данное Буниным] сделал гнездышко, из бумаги птичку, куда я положила 100 франков, затем сделал елочку. Я с ним долго говорила о лит-ре<,> о сюжетах, он многое понимает по-настоящему. Ян уверял, что все “приготовления” очень тяжелы для Г<алины> и, конечно, очень ошибался. Он принес рукопись Зурова и сказал: “вот теперь в хорошем виде, сильно, внимательно прочтите и постарайтесь уловить мои поправки, Вы талантливы, а поэтому особенно должны быть строги к себе, все “газетное” я вычеркнул” ... Все это он говорил строгим тоном»¹⁰. К сожалению, В. Н. Бунина не приводит названия выправленного Буниным

⁷ Это вариант первоначального эпитафия к повести «Отчина», который выглядел таким образом: «Из крестов скована Русская земля, / И через кресты восходит солнце» (Зуров 1970: <7>).

⁸ РЛ MS. 1068/274.

⁹ РЛ MS. 1068/274. Ср.: “Kadet (1928 and nd) (book pages edited, partly by I. A. Bunin, for proposed publication [with *Otchina?*] under title *Dve povesti*) [Кадет (1928 и недатированное) (редакторская правка страниц книги, отчасти выполненная И. А. Буниным, для предполагаемой публикации <вместе с *Otchiной?*> под названием «Две повести»)” (Heywood 2000: 298).

¹⁰ Бунина В. Н. Запись от 9 декабря 1929 г. Дневник 1929 г. (РЛ MS. 1067/395).

произведения, поэтому едва ли возможно со всей определенностью утверждать, что речь идет именно о повести «Кадет».

Более поздняя дата, гипотетическое косвенное свидетельство, также встречается в дневниковой записи В. Н. Буниной: «15 мая [1930 г.] <...> Письмо из Белграда, отказали издать 2 изд[ание] <“>Кагета<”> и <“>Отчину<”>. Какие ослы. Значит, если книга разошлась, то хоть плачь, купить уже нельзя, издатели отвечают: Новую издадим, а второй раз не хотим!.. И это все под флагом поддержания культуры»¹¹. Здесь есть некоторая неточность, касающаяся распроданных книг, – позже Зуров рассказывает М. Э. Грин, что «Кадет» был распродан к 1937 г., а «Отчина» – к 1935 г.¹²

В любом случае, именно в первое время пребывания Л. Ф. Зурова во Франции их отношения с Буниным были теплыми, почти идиллическими. В дальнейшем они заметно ухудшились и возобновились в прежнем виде только после войны.

Атрибуция правки не вызывает сомнений – она выполнена черными чернилами, характерным бунинским почерком, да и суть этой правки так же весьма характерна для первого русского нобелиата.

Настоящая статья посвящена подробному рассмотрению бунинской правки повести «Кадет», то есть теме «Бунин-редактор». Однако в ее контекст введена проблема «стабилизации текста – проблема очень важная и сложная в теоретическом отношении» (Рейсер 1978: 15).

По устоявшейся текстологической традиции «<...> в общем виде решение вопроса может быть сформулировано так: мы принимаем за основной текст тот текст, в котором наиболее полно выражена последняя творческая воля автора. Во многих случаях эта воля выражена в последнем прижизненном издании. Однако считать это правилом невозможно. Механически ставить знак равенства между последним прижизненным и последним творческим изданиями – серьезная ошибка. <...> В работе по установлению основного текста

¹¹ Бунина В. Н. Дневник 1930 г. (РАЛ MS. 1067/402).

¹² См.: Сведения о выпущенных Л. Ф. Зуровым книгах (РАЛ MS. 1068/274, 1068/275).

обязательно надо учитывать целый ряд факторов, ограничивающих механическое применение этого принципа» (Рейсер 1978: 17).

Самым наглядным примером справедливости выступления против механического применения принципа последней авторской воли может служить вдумчивое, тонкое исследование Т. М. Двинятиной с этой точки зрения вариантов стихотворений И. А. Бунина при подготовке их к публикации (см.: Двинятина 2007: 359–381).

Для данного случая проблема текста, действительно, существует, поскольку при внимательном рассмотрении правки обнаруживается, что на протяжении повести различимы два ее вида, атрибуция которых приводит к выводу, что она принадлежит двум людям – Бунину и самому Зурову. Кроме уже оговоренной зуровской правки (смена названия, снятие одного эпитафия¹³ и внесение нового), в самом тексте явственно выделяется правка черными чернилами, проведенная Буниным, и два вида исправлений, сделанных Зуровым, – чернилами и карандашом. (То, что эта правка принадлежит именно Зурову, доказывают, с одной стороны, пометы, сделанные его рукой, а с другой, – сам характер зачеркиваний. Бунин удаляет слова и словосочетания тонкой чертой, Зуров вымарывает их так, что прочесть зачеркнутое невозможно.)

Это обстоятельство влечет за собой вопрос о хронологии правки, который, впрочем, решается весьма просто. Приведем лишь один пример двойной правки на странице 49, где ИАБ снимает длинную фразу оправдывающегося чиновника, который самовольно повез добровольцев на буксире в налет на Рыбинск, – «*Всякий сознательный гражданин должен понимать [вставка ИАБ – свой] долг, – залепетал математик, краснея, – [и раз гражданская война, то захватывать позиции. Всякому отечество дорого! – пробасил Ковардюк и выпрямился]*»¹⁴. Как видим, в прямой

¹³ Снят эпитафия к повести «Кадет»: «Молодость, молодость, приятная молодость / А чем-то мне молодость мою вспомнить? / Вспомяну тебя, молодость, тоскою-кручиною, / Тоскою-кручиною, печалью великою... (Русская песня)».

¹⁴ Зуров Л. Ф. Кадет. РАЛ MS. 1068/274. С. 49. Здесь и далее в текстологическом анализе правки повести зачеркнутое Буниным дано в квадратных скобках. Правка Зурова оговаривается особо. Все ссылки на текст «Кадета» даны по названной единице

речи после сокращения недостает указания на субъект речи. Это следствие правки Зурова, который, вымарав отмеченное в цитате курсивом, вписал два варианта на полях, в первом случае «ответил тот», во втором – «добавил». Затем зачеркнул оба варианта, а также весь текст сцены, занимающей более половины страницы. Это не оставляет сомнений в том, что правка, проведенная Буниным, предшествовала зуровской.

Вопрос об отношении И. А. Бунина к редакторской правке вообще и к своей собственной в частности может рассматриваться в нескольких аспектах. Прежде всего, Бунин всегда тщательно редактировал свои произведения перед очередным выпуском их в свет и требовал от издателей неукоснительного соблюдения его творческой воли. Так, 8 декабря 1945 г., в то время, когда Советский Союз намеревался издать собрание его сочинений, он писал своему другу Н. Д. Телешову: «Если собрание моих сочинений когда-нибудь будет издано, горячо прошу пользоваться только исправленными мною текстами в собрании моих сочинений изд. “Петрополиса”» (Рейсер 1978: 15). Он всегда уделял редактированию серьезное внимание, требовал высылки ему верстки, считал наличие высокопрофессионального редактора необходимым условием публикации своих произведений. «При вступлении в “Книгоиздательство писателей в Москве” вопрос о редактуре имел для Бунина решающее значение. 22 марта 1912 г. он писал Клестову: “Я буду участником и сотрудником издательства *только при хорошем редакторе* <курсив И. А. Бунина>”» (Литература последних годов 2004: 510).

Нередко Бунин сам выступал в качестве редактора: так, в Государственном музее И. С. Тургенева в Орле в фонде Бунина хранится статья П. А. Нилуса «Ив. Бунин и его творчество» (1912) с бунинской редакционной правкой и выполненный В. Н. Буниной (1916) перевод драмы Флобера «Искушение св. Антония», «который подвергся столь значительной правке Бунина, что его можно назвать соавтором этой

хранения РАЛ с указанием страницы выправленного печатного текста повести в скобках после цитаты.

работы» (Бунинские материалы 1973: 471). Гранки двух рассказов П. А. Нилуса, «На берегу моря» (1917) и «Дуня» (1918), с обильной правкой Бунина хранятся в ИМЛИ (см.: Бунинские материалы 1973: 496). В Отделе рукописей Российской государственной библиотеки «следы редакторской работы Бунина носят разрозненные листы верстки книги Р. Тагор. Пер. Н. А. Пушешникова под ред. Бунина (М., 1914), а также полоса гранок рассказа И. С. Шмелева “Росстани” <...> (М., 1914) и проект обложки сборника рассказов П. А. Нилуса “На берегу моря” (М., 1914). В первых двух случаях редакторская правка очень незначительна; в третьем – Бунин дал название сборнику – оно вписано его рукой на обложке предыдущей книги Нилуса (Рассказы. М., 1910)» (Бунинские материалы 1973: 496).

И. А. Бунин входил в состав редакционного комитета журнала «Правда» (1905, 1906), был редактором сборников «Слово» за 1913 и 1914 гг. (Бунинские материалы 1973: 503). Судя по его переписке с М. Горьким, последний (и не он один) считал редактуру Бунина качественной¹⁵.

Известно, что «фигура писателя-редактора вызывает у исследователей особый интерес: какой характер носят его редакторские занятия? Почему он вообще стал заниматься редактированием? Как его писательский почерк сказался в пометах редактора? Чем менее случайной, обусловленной лишь течением жизненных обстоятельств, была его редакторская работа, тем более существенное, общезначимое можно извлечь из знакомства с нею, а иногда и в ином ракурсе увидеть отношение писателя к культурному

¹⁵ См., например письмо М. Горького И. А. Бунину от 15 июля 1915 г.: «Стихи предназначаются для литературного сборника “Армения”. Предполагаются еще сборники: грузинский, финский, латышский, еврейский и т. д. Не пожелаете ли Вы взять на себя редактуру стихотворений во всех этих сборниках?» (Переписка 1961: 79). Ср. также упомянутое в этой переписке предложение крупнейшего российского книгоиздателя И. Д. Сытина: «Кажется, мог бы я быть зверски богат: Сытин предлагает мне редактировать те новые издания, которыми он жаждет “освежить” свою фирму. “Берем, говорит, в свои руки железн[ые] дороги и всякую такую штуку, будет у нас триста распространительных станций – хорошо бы вот вас-то, молодежь, привлечь...”. Но чем все это кончится, не знаю: боюсь погибнуть, завязнуть в делах» (Письмо И. А. Бунина М. Горькому от 26 августа 1909 г. – Переписка 1961: 41).

наследию, литературному труду и самобытности чужого творчества» (Ланда 1982: 3).

Можно говорить о двух вариантах подхода писателя-редактора к чужому тексту. Об одном из них писала, применительно к редакторской деятельности А. А. Блока, З. Г. Минц: «Как очень часто бывает у Блока, он как бы “не замечает” всего внутренне ему чуждого, подчеркивает то, что *хотел бы* найти в рецензируемой книге и, в итоге, подменяет чужую систему взглядов собственной» (Минц 1973: 170). Противоположный подход исследователи находят у А. П. Чехова, чья редакторская работа была проанализирована на примере правки рассказа В. Г. Короленко «Лес шумит». У текстологов, анализировавших чеховскую правку, не было единства в ее оценке. В обобщающей эти анализы статье З. С. Паперного (см.: Паперный 1977: 85–100) приведены различные мнения. Так, по мнению Л. Громова, автора книги «Реализм А. П. Чехова второй половины 80-х годов», чеховская правка была направлена на улучшение стиля рассказа «Лес шумит». Чехов вычеркивал фразы, в которых находил «изысканность стиля», излишние повторы, подробности, которые «уводят в сторону от основной сюжетной линии» (Паперный 1977: 85–100). Л. Громов считал рассказ растянутым и стилистически неровным. К иному выводу пришла Е. И. Гибет, автор статьи «Сокращения А. П. Чеховым рассказа В. Г. Короленко “Лес шумит”», считавшая, что Чехов, осуществляя правку, перекраивал рассказ на свой лад: «Сокращения Чехова очень разнообразны. Он ограничивал описания пейзажа, зарисовку портрета, язык повествования <...>. Чехов вычеркнул не только отдельные, с его точки зрения лишние слова, фразы, но и целые абзацы, почти страницы» (цит. по: Паперный 1977: 86–87).

З. С. Паперный, со своей стороны, видит последовательность чеховской правки и ее основные принципы – «стремление к художественному лаконизму и простоте». Так, по его мнению, «Чехов снимает эмоциональные реплики, восклицания, междометия от лица персонажа. Вычеркивает повторы, похожие на стихотворный рефрен (“И ударил по струнам бандуры”, “И опять ударил по струнам бандуры”). Отказывается он и от инверсированных обо-

ротов (“как в небе орел ширяет, как ветер темные тучи гоняет”), построенных на синтаксическом параллелизме с созвучием. <...>

Чеховская редакция направлена против той “субъективности”, о которой, как об опасности, не раз предупреждал писатель. Последовательно снимаются места, где повествование утрачивает строгость, где оно “поэтизируется” настолько, что проза обретает особенности почти стихотворного строя (повторы, похожие на рефрен, параллелизмы, созвучия, инверсии и т. п.)» (Паперный 1977: 91).

Уделить столь пристальное внимание чеховской правке побуждает особое отношение к Чехову Бунина. В незавершенной книге «О Чехове» Бунин нередко находит у себя сходные с Чеховым художественные принципы и даже подчеркивает их. Пускай с иронией, но в то же время и с некоторой гордостью говорит о критиках первой поры его творчества, которые в нем «находили “чеховское настроение”» (Бунин 1967: 195). Особенно его привлекает простота, которую искал в литературе Чехов, и его умение вложить глубокую мысль в краткий рассказ: «Писание же в “Будильниках”, “Зрителях”, “Осколках”, – научило его маленькому рассказу: извольте не переступить ста строк!» (Бунин 1967: 172). И здесь же удовлетворенно, уловив сходство, замечает: «Меня научили краткости стихи» (Бунин 1967: 172).

Стиль Чехова Бунин воспринимал как отказ от «той глупости, лжи, манерности и фокусничества, которые столь пышно цветут теперь в литературе» (Бунин 1967: 185). Он приводит пример реакции Чехова на утверждение о том, что чеховское творчество – это поэзия: «Чехов внезапно сказал мне: – Знаете, сколько лет еще будут читать меня? Семь. – Почему семь? – спросил я. – Ну, семь с половиной. – Нет, – сказал я. – Поэзия живет долго, и чем дальше, тем сильнее. <...> [О]н скинул пенсне и, поглядев на меня добрыми и усталыми глазами, сказал: – Поэтами, милостивый государь, считаются только те, которые употребляют такие слова, как “серебристая даль”, “аккорд” или “на бой, на бой, в борьбу со тьмой!”» (Бунин 1967: 190). И все же Бунин убежденно повторяет свое мнение о творчестве Чехова: «И каким он был тонким поэтом!» (Бунин 1967:

227), приводя выписки из рассказов «Дама с собачкой», «Ионыч», «Невеста».

«Редакторские замечания» Чехова, которые приводит Бунин, были направлены на преодоление выпренности, многословия, ученического желания писателей воспроизводить точные и как можно более подробные портреты. Именно об этом свидетельствует опубликованный в книге «О Чехове» фрагмент чеховского письма Горькому: «Отлично писал Горькому: “У вас слишком много определений <...> понятно, когда я пишу: “Человек сел на траву...” Наоборот, неудобопонятно, если я пишу: “Высокий, узкогрудый среднего роста человек с рыжеватой бородкой сел на зеленую, еще не измятую пешеходами траву, сел бесшумно, робко и пугливо оглядываясь...”» (Бунин 1967: 219).

Предварительно обговаривая направления возможной правки Буниним повести «Кадет», можно предположить, что, во-первых, Бунин, действительно, стремился, как указано в дневнике В. Н. Бунинной, изгнать из зуровских текстов (даже если предположить, что речь в дневниковой записи от 9 декабря 1929 г. идет не об этой повести) «газетность», то есть сухую публицистичность. Во-вторых, ему явно близко пристрастие Чехова к простоте и отсутствию вычурности.

Приступая к правке повести, Бунин, как показывает весь процесс редакторской работы над этим текстом, никак не касался его «фактологического среза», то есть критериев «достоверности (точности), полноты, существенности, новизны», которые обычно применяются «при оценке фактического материала рукописи» (Шлюпер 1994: 73).

Основная правка «Кадета» Буниним состояла в многочисленных купюрах, чрезвычайно различных по объему. Иногда Бунин снимал текст повести целыми абзацами, едва ли не страницами (например, описание не названной в повести, но узнаваемой Риги, где на странице оставлено всего несколько строк, с. 68)¹⁶, иногда исправлял

¹⁶ Повесть «Кадет» цитируется по изданию: Зуров 1928 (с указанием страницы в скобках).

на странице текста всего один знак препинания (72). В применении купюр усматриваются определенные закономерности:

1. Бунин убирает внесюжетные элементы (пересказы, элементы экфрасиса и онейрические элементы и т. п.), добиваясь, таким образом, большей динамичности.

Так, например, он снимает пространный, почти на три страницы текста рассказ главного героя Мити Соломина о том, как в прошлом году он опоздал в кадетский корпус после свидания с Аней, почти замерз на улице и даже попал в лазарет. Уже сама по себе весьма ощутимая ретардация действия на три страницы в девяностостраничной повести должна была показаться недопустимой. К тому же вводом в этот рассказ были у Зурова слова Ани: «А правда, – спросила она, наклонив грациозно и шаловливо голову, – что кадет Соломин пострадал в прошлом году из-за одной гимназистки и об этом мне ничего не сказал» (22). Как увидим ниже, Бунин в целом ряде случаев снимал улыбки, смех и т. п., «грациозный» и «шаловливый» наклон головы присоединялись к этому ряду.

Отвлекающую, а потому ненужную подробность он усмотрел во фразе, уточняющей душевное состояние главного героя «Кадета» во время важной для него встречи с любимой девушкой: «На морозе от ее меха пахло духами и ее домом. Прилив нежности снова охватил¹⁷ Митю. [Если бы она сейчас ушла, он, наверное, почувствовал большую обиду.] Не было слов, а хотелось ей все рассказать простыми хорошими словами, как сестре» (20).

Еще один оборот в условном, сослагательном наклонении представляется Бунину лишним в описании той же сцены встречи. Речь идет о характеристике юного Мити как неопытного юного влюбленного: «[О женщинах Митя знал очень много по рассказам друзей, но его мысли об Ане были всегда чисты, и он счел бы оскорблением для себя, если бы подумал о ней дурно.] В эти дни ему почему-то особенно хотелось нежности, и это он понял лишь теперь, встретив ее» (21). По-видимому, Бунин справедливо счел более красно-

¹⁷ Здесь слово «охватил» заменило зуровское «захлестнул».

речивым, чем любая фраза в сослагательном наклонении, зуровское описание постоянно смущающегося героя, трогательного и до прозрачности ясного в своем первом любовном чувстве. Однако Зуров снимает далее всю страницу 21 и даже, следуя за бунинской правкой, еще две (страницы 22, 234). На снятой Буниным 24-й странице, от которой осталась лишь половина последней строки, пометой на полях он восстанавливает один абзац. Впрочем, об отношении Зурова к бунинской правке см. ниже.

2. Бунин «облегчает», упрощает язык повести, снимая причастные и деепричастные обороты, особенно если выраженная в них мысль элементарна и напрашивается у читателя сама собой.

Видимо, именно этим соображением обусловлено снятие деепричастного оборота во фразе: «Она [мать] верила, что все обойдется благополучно, что сын скоро наденет юнкерские погоны [и, думая о печальной судьбе всех матерей, о частых необходимых разлуках], начала приготовления к отъезду» (13). Собственно, уже сама формулировка – «о печальной судьбе всех матерей» – свидетельствует об избыточности снятого оборота.

3. Бунин «заостряет» фразы, сокращая их за счет лишних определений и перевода субъективное в общий план.

Так, в самом конце уже упомянутой встречи героя с героиней Бунин сокращает часть его последнего, несколько косноязычного оборота, оставляя запоминающийся интонационный подъем робкого вопроса: «Мы теперь часто будем с вами встречаться. Ведь [вы позволите, Аня? Вы, ей-Богу, хорошая. Нет, я правду говорю, я не лгу, – сказал он, подняв лицо. – С вами легко. Я страшно рад, что... тогда ноги заморозил. Право.] правда?» (25). В следующем же предложении он снимает определение – «Она посмотрела на него и тихо [,счастливо] засмеялась» (25) – и следом за выправленной фразой ставит знак абзаца, чтобы отделить описание встречи героев от дальнейшего повествования об окружающем героев беспокойном мире. Характерно, что в этом абзаце он убирает упоминание Ани, объединяя героев в самом конце главы:

З «А в Волгу падал снег. Он уже мягкими шапками покрыл луковки церквей, старые барки, и, когда стрельба [звучала] стучала на окраинах, снег смягчал [эти резкие] ее¹⁸ звуки, [от которых вздрагивала Аня]. И было в тот вечер, в той прерываемой стрельбой тишине что-то предостерегающее и глухое, чего тогда не почувствовали они» (25).

4. Убираются негативные характеристики врагов, говорящие либо об их глупости, недалекости, либо о звериной ненависти. Таким образом Бунин, как представляется, подчеркивает мужество и самоотверженность юных воспитанников кадетского училища в противостоянии умному и опытному врагу.

Именно это происходит в описании столкновения с крестьянами, мешающими Мите увезти ночью из имения имущество семьи: «Вперед вышли вожак: только что прибывший с фронта Герасим [...] и [придурковатый,] саженного роста курносый Хазов. [...] – По какому праву снова хозяином стал! ? – крикнул нагло Герасим, [но ближе подойти побоялся]» (36). Враги не трусливые и не глупые, они ожесточились и почувствовали свою безнаказанность.

5. Бунин постоянно снимает фразы и части фраз, избегая смысловых повторов, уже упомянутой «публицистичности» и добиваясь большей динамичности повествования.

В качестве примера приведем слова лесника, спасающего главного героя повести от мужицкого разгульного гнева, указывая ему путь к спасению: «Вот что... садись на Фомку и в город дуй. [Фомка оседлан]» (38) Бунин снимает вторую фразу, справедливо полагая, что в ситуации, когда на счету каждая секунда, едва ли лесник стал бы седлать лошадь.

Ту же избыточность он снимает, вычеркивая некоторых персонажей «массовки», появляющихся лишь однажды, так что их упоминание лишь снижает градус напряженности. Так он поступает, например, трижды, на протяжении одной страницы. Во-

¹⁸ Вставка ИАБ.

первых, убирает несколько фраз, размывающих энергию повествования: «Солдаты в касках побежали туда. [Впереди них шел совсем еще мальчик. Он останавливался, смотрел в бинокль, потом, взмахнув рукой, бросился вперед. В переулке кучка солдат затопталась на месте, прокричала и побежала дальше.] На тротуаре осталось два трупа» (80). По сути, Бунин умело восстанавливает накал повествования, размытый у Зурова введением случайных, окказиональных персонажей. Аналогичную операцию он производит далее на той же странице еще два раза, переводя предложения из определенно-личных в неопределенно-личные: во-первых, снимая субъект действия во фразе «Но [взволнованные люди] его не слушали» (80); во-вторых, в предложении «[Мальчишки] Н[н]а Эспланаде [п]Подожгли революционные арки, и они горели ярким высоким пламенем» (80).

Особенно часто ради компактной, четкой фразы Бунин считает необходимым пожертвовать объяснительными оборотами: «В монастыре засело до двухсот защитников. Здесь [находились] были¹⁹ незнакомые армейские офицеры, кадеты ярославского корпуса, лицеисты и полурота старых солдат» (63); «сорвавшийся колокол, падая, странно²⁰ прозвонил[. И звон был странен]» (63).

Лapidарность, стремление избежать многословия и того, что много позже Василий Аксенов, сравнивая американскую и русскую литературу, назовет «пересказанностью»²¹, были свойственны Бунину как никому другому из русских писателей. Поэтому едва ли стоит удивляться тому, что эта категория правки была наиболее частотной.

¹⁹ Вставка ИАБ.

²⁰ Вставка ИАБ.

²¹ Ср.: «У американцев главное в отношениях между людьми и в литературе, и в искусстве, и в манере поведения, некое явление, которое именуется “understatement”, то есть «недосказанность». А в России вместо этого существует “overstatement” – “пересказанность”. Короче говоря, если у Хемингуэя был подтекст, то у Достоевского был овертекст – сверху, больше даже, чем надо. Понимаете? У Хемингуэя мы должны смотреть вниз, и искать, а у Толстого мы должны немножко прикрывать голову. Иначе что-то свалится на нее» (Литература на телеканале «Культура». Василий Аксенов. 80 лет со дня рождения писателя. – Линия жизни. 20 августа 2012. – <http://old.tvkultura.ru/theme.html?id=4844&cid=110>).

6. Снимаются клишированные определения, обороты и т. п. «Кадет» воспринимался Буниним как новое слово в изображении гражданской войны, и новое слово должно было быть свежим.

Он убирает эпитет в словосочетании «не смог вырваться из [железных] рук лесника» (10), определение во фразе «[Крестьянские] ребятишки носили в имение ягоды» (9), затертый эпитет в описании лошадей, которые «хлестали себя мокрыми хвостами, отгоняя [назойливых] мух» (53), непонятное определение взгляда Ани в то время, когда она перевязывает раненого Митиного друга, который «просветлел, встретив ее [настороженный] взгляд» (59) и т.п.

7. Градус патетичности нарратива снижается в результате вычеркивания выпретенных метафорических оборотов, таких, например, как «кровавые пятна, забрызгавшие его юношеские сны» (68), «жеребий на жизнь был вытянут» (77); «розовые отцветы родимых предпасхальных песен» (83); Бунин снимает излишне длинные, на его взгляд, фразы. Так, в описании подготовки Мити к исповеди снят конец фразы как явно избыточный, удваивающий пафос: «Приближался [тот] волнующий, исполненный смирения час приобщения к высшей²² чистоте [, Мите этот час казался нездешним, обвеянным тихим светом]» (83). Так же снимает Бунин и вычурные слова (например, «бортовой приплеск» – 90), оставляющие впечатление старательной работы над текстом вопреки порывистому, нередко дискретному нарративу, с обилием многоточий.

8. Бунин постоянно помнит о возрасте главных героев, о той смятенной поре между отрочеством и юностью, когда чувства выражаются поверх слов, взгляды значат больше, чем жесты, и солидная, заимствованная у взрослых интонация не вяжется со смыслом сказанного. Очевидно, именно поэтому, проследивая выстраивание этих еще не сложившихся характеров на разных уровнях текста, он нередко предпочитает тире как знак передачи экспрессивности, неожиданности запятым и точкам с запятыми, как если бы речь героев была неровной, импульсивной.

²² Вставка ИАБ.

9. Даже осуществляя правку чужого текста, Бунин не мог пройти мимо принципиальных для него вопросов. Одним из таких был для него вопрос антисемитизма, к которому он испытывал ненависть и одновременно – особую чувствительность, не перенося его даже в чужом слове, даже в слабой концентрации. Широко известны его суждения о еврейских погромах в «Окаянных днях», его решение прятать у себя в Грассе во время нацистской оккупации Франции евреев (семью пианиста Либермана, А. Бахраха). Поэтому нет ничего удивительного в том, что в «Кадете» он снимает по видимости почти нейтральную, однако по смыслу явно антисемитскую фразу, несмотря на то, что к герою повести она не имеет отношения – он всего лишь ее слышит: «Митя за ним [учителем Козардюком – И. Б.] не поспел и остался в толпе. От маленького кадета, одетого в защитную гимнастерку, он узнал, что корпус уже не существует, а есть военная гимназия, что пуговицы теперь без орлов, ремни солдатские, [что в классы поступают евреи,] а все старые кадеты уже дерутся против большевиков на окраинах» (42).

10. Однажды придя к выводу о специфичности зуровского текста, об изображении в нем еще нетронутой темы «детской» войны, Бунин часто снимает (в том числе и в описании вовсе не юных персонажей), казалось бы, неотъемлемые от юности легкомысленные моменты улыбок (39), лукавого подмигивания (38), тихого смеха (60). Точно так же нередко снимается и прямое упоминание грусти (13) или душевной боли (32), возможно, чтобы избежать упрощенной антиномии или описания перепадов чувств в ущерб их изображению.

Внимательный просмотр бунинской правки приводит к выводу о том, что Бунин, подобно многим в эмигрантской литературной среде, считая Зурова своим «учеником»²³, правит его по-

²³ Ср., например, отзыв В. Ф. Ходасевича в письме Д. С. Мережковскому и З. Н. Гиппиус уже через 12 дней после приезда Л. Ф. Зурова в Грасс к И. А. Бунину: «Молодого

весть, приближая ее к своему стилю. Здесь стоит вспомнить проницательное утверждение Л. Д. Опульской: «<...> в область творческой работы автора включается все, что было сознательно сделано им, хотя бы под посторонним влиянием или в соответствии с посторонним советом. Однако влияние приходится отличать от давления, принуждения, постороннего вмешательства, с которыми автор вынужден был согласиться или с которыми он соглашался пассивно. Все принадлежащее к этой области, без всякого сомнения, не относится к творческой деятельности автора и в той мере, в какой может быть обнаружено, подлежит устранению» (цит. по: Рейсер 1978: 19).

Можно ли в данном случае отличить влияние от давления или принуждения? Вынужден ли был Зуров безоговорочно соглашаться с правкой Бунина или имел возможность поступать с его предложениями по своему усмотрению? Анализ двуслойной, как уже было сказано, правки повести «Кадет» позволяет сделать вывод о полной самостоятельности Зурова. Наиболее красноречиво свидетельствуют об этом многочисленные купюры, сделанные им на манер Бунина, то есть, с целью достичь лаконизма и художественной концентрированности (см., например, именно такую правку на страницах 7, 8, 9, 12, 13, 19, 32 и т. д.). Порой бунинские купюры оказываются внутри текста, который Зуров затем обрекает на купирование, небытие (22, 49, 83, 88). С другой стороны, в некоторых сценах он, не соглашаясь с Буниным, ставит на полях помету «вст +», очевидно, означающую «восстановить» (20, 24, 63). Есть правка и иного рода: перенос отдельных слов и строк, купирование почти целиком некоторых страниц, которых вообще не коснулось перо Бунина, и др. Все это свидетельствует о полной свободе Зурова в своих решениях.

Подробный анализ зуровской правки повести «Кадет» никоим образом не входил в задачи настоящей статьи, ей должна

человека, приехавшего из Риги, фамилия Зуров. <...> Он написал книгу «Кадет» – под Бунина» (Письмо В. Ф. Ходасевича от 5 декабря 1929 г. – Ходасевич, Мережковские 2008: 126).

быть посвящена отдельная работа. Однако наличие в архиве писателя подготовленного для переиздания текста с двуслойной правкой, то есть последнего прижизненного авторизованного издания с точки зрения текстологии, безусловно означает, что выпущенные в последние годы издания повести²⁴ противоречат авторскому намерению переиздать текст «Кадета» в основательно трансформированном виде. Последняя авторская воля представлена здесь вполне определенно.

По всей видимости, толчком к серьезным изменениям Л. Ф. Зуровым текста повести «Кадет» и стала правка И. А. Бунина, которая, будучи рассмотрена на протяжении всего текста повести, более всего напоминает высказывание Микеланджело, известное из его письма Бенедетто Варки: «Я понимаю под скульптурой то искусство, которое осуществляется в силу убавления» (Мастера искусства об искусстве 1966: 186). Позже оно было передано Огюстом Роденом, определившим искусство ваяния в еще более афористичной форме: «Взять глыбу мрамора и отсечь от нее все лишнее»²⁵.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белобровцева И., Рогачевский А. 2004. В тени Бунина: Александр Амфи-театров о Леониде Зурове. – Вторая проза: Сборник статей / Ред. И. Белобровцева, С. Доценко, Г. Левинтон, Т. Цивьян. Таллинн: TRÜ Kirjastus. С. 145–166.
- Бунин И. А., Кузнецова Г. Н., Зуров Л. Ф. 2004. «Предчувствие мне подсказывает, что я недолгий гость»: Переписка И. А. Бунина и Г. Н. Кузнецовой с Л. Ф. Зуровым (1928–1929) / Вступительная ст. Ирины Белобровцевой. Публикация Ирины Белобровцевой и Ричарда Дэвиса. – И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. М.: Русский путь. С. 232–284.
- Бунин И. А. 1967. О Чехове. – Бунин И. А. Собр. соч.: В 9-ти тт. М.: Художественная литература. Т. 9. С. 169–250.

²⁴ Например, включающий повесть «Кадет» сборник произведений: Зуров 1999, а также Зуров 2005.

²⁵ Определение искусства ваяния в беседе с Полем Гзеллем (опубл. в журнале “L’Art”, 1911). Цит. по: Душенко К. В. Словарь современных цитат. С. 32. [http://www.velib.com/book/dushenko_konstantin/slovar_sovremennykh_citat/]

- Бунинские материалы 1973. Бунинские материалы в архивах Советского Союза. – Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 2. М.: Издательство «Наука». С. 447–514.
- Двинятина Т. 2007. Поэзия И. А. Бунина: Проблемы текстологии. I. – «На меже меж голосом и эхом»: Сборник статей в честь Татьяны Владимировны Цивьян. М.: Новое издательство. С. 359–381.
- Зуров Л. 1928. Кадет. Рига: Саламандра, 1928.
- Зуров Л. Ф. 1970. Отчина: Повесть о древнем Пскове. Париж: YMCA-Press.
- Зуров Л. 1999. Обитель: Повести, рассказы, очерки, воспоминания. М.: Паломник.
- Зуров Л. 2005. Кадет. [s. l.]: Русская миссия.
- Кузнецова Г. Н. 2009. Грасский дневник. СПб.: Издательский дом «Миръ».
- Ланда Е. 1982. Мелодия книги. Александр Блок – редактор. М.: Книга.
- Литература последних годов 2004. «Литература последних годов не прогрессивное, а регрессивное явление во всех отношениях...»: Иван Бунин в русской периодической печати (1902–1917) / Предисловие, подготовка текста и примечания Д. Риникера. – И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. М.: Русский путь. С. 432–563.
- Мастера искусства об искусстве 1966. – Мастера искусства об искусстве: В 7-ми тт. Т. 2. М.: Искусство.
- Минц З. Г. 1973. Блок и Пушкин. – Труды по русской и славянской филологии. Т. XXI: Литературоведение. Тарту: Тартуский государственный университет. С. 135–296.
- Паперный З. 1977. «Буду изучать вашу манеру» (Чехов читает Короленко). – Чехов и его время. М.: Издательство «Наука». С. 85–100.
- Переписка 1961. Переписка А. М. Горького и И. А. Бунина. – Горьковские чтения: 1958–1959. М.: Издательство АН СССР.
- Рейсер С. 1978. Основы текстологии. Л.: Просвещение.
- Ходасевич, Мережковские 2008. Из переписки В. Ф. Ходасевича с Мережковскими / Вступительная ст., публикация и комментарий Н. А. Богомолова. – Новое литературное обозрение. 2008. № 2 (90). С. 115–147.
- Шлюпер Е. В. 1994. Редакторский анализ как система (К постановке вопроса). – Книга: Исследования и материалы. Вып. 67. М.: Книга. С. 72–78.
- Heywood, A. J. 2000. Catalogue of the I. A. Bunin, V. N. Bunina, L. F. Zurov and E. M. Lopatina Collections / Ed. By Richard Davies, with the assistance of Daniel Riniker. Leeds: Leeds University Press.